

Князь Василько ростовский (к 790-летию со дня рождения)

E.V. Плешанов

7 декабря 1209 г. в Ростове у князя Константина Всеходовича родился сын Василий. Сообщая об этом факте, летописи нигде не называют второе имя младенца-«княжие». Оно имелось у младших братьев Василия — Ивана и Дмитрия (соответственно Всеход и Владимир). В начале XIII в. в Ростовской земле уже дал первые ростки культ киевского князя Владимира — крестителя Руси, принявшего при крещении имя Василий. Нарекая первенца христианским именем своего далекого предка, Константин Ростовский искал у него покровительства для сына не только как у святого, но и как у Божественного Праородителя, поскольку в ту пору в Ростове, как и повсюду, еще не был изжит древний обычай почитания Родоначальника. Не случайно 23 мая 1213 г. юный Василий подвергся, в общем-то, языческому обряду постригов, во время которого волосы жертвовались Родоначальнику. Впрочем, под влиянием христианства основным содержанием обрядового действия стало приобщение княжича к доблестям воина. Василия в первый раз посадили на коня и повесили на пояс боевой меч.

Летописная форма имени Василько, видимо, восходит к ростовской традиции, к которой имела отношение княгиня Мария — жена князя, известная в русской истории как первая женщина-летописец. Архимандрит Никодим, еще в конце XIX в. изучавший происхождение культов святых, чтимых в пределах Ярославской епархии, отмечал, что ростовский князь именовался Васильком «ради мужества и красоты возраста своего»¹. Так и будем его называть.

Среди летописных портретов, обычно сухих, лишенных красок, трафаретных, образ Василька заметно выделяется. Видимо, мы имеем дело с переработанным отрывком из не дошедшего до нас некролога, написанного княгиней Марией и включенного в древнейшую из сохранившихся Лаврентьевскую летопись второй половины XIV в. Другие источники с разной степенью полноты воспроизвели его. В Симеоновской летописи читаем: «Бе же Василко лицом красен, очима светел и грозен, хоробр паче меры, на ловех сердцем легок, до бояр ласков, никто же бо от бояр его, кто ему служил и хлеб его ял и чашу пил и дары имал, тот никако же можаше у иного князя быти за любовь его, нзлише бо любяще слуги свое. Мужество же и ум в нем живяше, правда же и истинна с ним холяста, бе бо всему горазд и хитр руками, и поседе в доброденьстве на отне столе и дедне; и такс скончаясь, якоже слышаста»².

Это — несомненно яркий и живой образ. Однако обратимся к

тому месту из приведенного текста, где говорится о князе, сидевшем «на отне столе и дедне». В 1216 г. Василько был официально признан ростовским князем, а отец его и дед владели великокняжеским столом во Владимире. Короткая летописная фраза вполне может служить ключом к пониманию не только причин ссоры Константина с отцом, а затем с братом Юрием, но и смысла случившегося с Васильком события 4 марта 1238 г.

Константин Все́володович, как старший в роду северо-восточных князей, должен был унаследовать Великое княжение Владимирское, но не хотел отдавать Ростов брату Юрию. Возможно, он готов был пойти даже на возвращение Ростову статуса столицы княжества, или, по крайней мере, отец его Великий князь Все́волод опасался именно такого исхода, отчего и решился на нарушение наследственных прав старшего сына. Отсюда и твердая поддержка, оказанная владимирами Юрию в борьбе с Константином. Одержав победу в Липицкой битве в 1216 г., Константин сел во Владимире и сделал Василька ростовским князем, добившись того, чего хотел: сосредоточения в своих руках экономической и духовной моши Владимира-Сузdalской земли. Но 2 февраля 1219 г. он умер. Перед смертью состоялось его примирение с братом Юрием, наследовавшим ему. В соответствии с данной клятвой, новый Великий князь становился «в отца место» сыновьям Константина и закреплял Ростов за Васильком.

Время правления Василька (1216-1238) – завершающий этап эпохи расцвета Ростова. Ему еще принадлежали земли, богатые пушниной, медом, воском, он оставался крупным торговым центром и контролировал северные торговые пути. Ростовская епархия пользовалась большим влиянием. Ростов, его князь и епископ без конца упоминаются в летописях в связи с важнейшими политическими событиями. Василько продолжал дело отца. При нем строились и украшались храмы, развивалось книжное дело и церковное образование. Архимандрит Никодим приводил в пример книгу с житием Нифонта Кипрского, на которой сохранился автограф писавшего ее: «Святыи апостоли, пророцы, мученицы, св. Нифонте! Помози моему господину Васильку»³. При Васильке завершилось начатое еще в 1213 г. строительство нового Успенского собора. Правда, тому предшествовали несколько тяжелых лет, связанных с неурожаями, голодом и даже с землетрясением, случившемся 3 мая 1230 г. Собор спешно достроили в январе 1231 г. и 5 февраля освятили, вопреки обычью делать это в праздник Успения Богоматери 15 августа (по ст. ст.), но для моральной поддержки измученного народа.

Качества воина Василько проявил очень рано. Уже летом 1220 г. он участвовал в походе на волжских болгар, присутствовал при подписании с ними мирного договора и, возможно, был свидетелем закладки в 1221 г. крепости на Волге – Нижнего Новгорода. Константин Все́володович участвовал в своем первом военном походе в 1199 г. в возрасте 13 лет. Грозная рать Все́волода Большое Гнездо выступила тогда против половцев, и степняки

не осмелились принять бой. В отличие от отца, в свои тринадцать лет князь Василько в 1223 г.名义上 возглавил поход отряда ростовцев, посланного князем Юрием на помощь южно-русским князьям, пытавшимся вместе с половцами отразить нашествие монголов. Подкрепление опоздало. Разбив половцев и русских на р. Калке, монголы стремительно ворвались в пределы Черниговского княжества, и ростовцы едва избежали гибели. Враг не пошел в северные леса, непроходимые в летнюю пору, обогнул степью Рязанские земли и потерпел поражение в Волжской Болгарии. Васильке и его воевода Воислав Добрынич доставили Великому князю ценнейшие сведения о еще неведомом тогда противнике. Гроза га время миновала. К тому же основатель Монгольской империи Чингиз-хан умер в 1227 г., и большой поход его войск на запад был отложен.

Весной 1226 г. владимирские полки помогли черниговскому князю Михаилу против Олега Курского. Митрополит Киевский подключился к улаживанию спора, и Великий князь Юрий пригласил его во Владимир. Здесь в январе 1227 г. глава русской церкви обвенчал Василька и дочь Михаила Черниговского Марию. 12 февраля того же года молодую чету торжественно встречали в Ростове. Князь Василько явно становился внушительной фигурой общерусского масштаба. В 1228 г. русская рать, в состав которой входили и ростовцы во главе с Васильком, разгромила союзника болгар мордовского князя Пургаса, на время обезопасив восточную границу Владимирской Руси. В 1229 г. едва не вспыхнула серьезная усобица, когда Киевский митрополит передал переславское владение Ростовской епархии в подчинение Владимирскому епископу Митрофану. Князь Ярослав Пере-славский попытался подстрекнуть Василька к совместному выступлению против Великого князя Юрия, но тот проявил подлинно государственный ум, и в декабре 1229 г. конфликт был улажен.

Летописные сообщения первой половины 30-х гэдов XIII в. создали картину относительно безмятежной жизни. Под 1235 г. в Лаврентьевской летописи кратко записано: «Бе мироно». У Василька родились сыновья Борис и Глеб. Князь подолгу находился в своей загородной резиденции. «Городок Васили» располагался в районе нынешнего села Васильково близ Суности. Здесь шла охота на северного оленя. Восточнее села Поречье у деревень Караваево и Козохово сохранились следы старой вырубки — дубовые пни, оставшиеся от дубравы, существовавшей еще в XIII в. Сюда Василько наведывался для чисто княжеской забавы — охоты на вепря.

Спокойная жизнь была иллюзией. Уже на зиму 1232 г. монголы появились недалеко от столицы Волжской Болгарии. В 1235 г. в Монгольской империи возобновилась подготовка к большому походу на запад, а в декабре 1237 г. в Рязанское княжество вторглись войска Бату-хана (Батыя), старшего внука Чингиз-хана. Многочисленное, хорошо обученное, высокоманевренное, скрепленное железной дисциплиной конное войско монголов не

имело себе равных в ту пору. Каждый воин – великолепный стрелок из лука. Сохранилась стела времен Чингиз-хана, на которой помечен рекорд монгольского лучника, поразившего цель с расстояния более 500 м.

В силу ряда объективных и субъективных причин Русь не смогла противостоять нашествию. 4 марта 1238 г. войско Великого князя Юрия Всеволодовича было разбито. Участвовавший в сражении Василько попал в плен и после недолгих уговоров перешел на службу к Батыю был убит и брошен в Шеренском лесу. Там его нашли некий попович Андреан и его жена, уведомили об этом епископа Кирилла, который позаботился отправить тело князя в Ростов⁴.

Это место до сих пор не известно. Впрочем, точно не определено и место Ситской битвы. Даже дата сражения подвергается сомнению. Один из его исследователей С. Ершов, ссылаясь на известного историка С.М. Соловьева и писателя В.А. Чивилихина, считает, что оно произошло 1 марта 1238 г.⁵ С.М. Соловьев указывал на точку в 24 км от Кашина и 40 км от Калязина на р. Ширенке, отстоящую на 100 км от места битвы, где, по его мнению, нашли тело Василька⁶. Сюда монголы могли добраться только за три дня. «Епархиальные ведомости» за 1868 г. указали еще одно место гибели князя: на границе Угличского и Ярославского уездов, на полпути от Сити к Ростову. Это тоже примерно 100 км. С. Мусин-Пушкин полагал, что монголы убили Василька на территории Якимовской волости у границы Угличского уезда, где находилась «Пустошь Василий»⁷.

Последними исследованиями выяснено, что Ситская битва проходила сразу в нескольких местах⁸. Не успев подготовиться к бою, Великий князь растянул свои силы вдоль реки, выдвинув на юг полк воеводы Дорофея, а на север – в район сел Семеновское и Покровское – полк правой руки, которым, вероятно, командовал его брат Святослав, сам же остался у селений Станилово и Юрьевское. Действуя охватом, монголы разбили сначала Дорофея, а затем ударили в полк правой руки. Решив, что там основные силы врага, Юрий Всеволодович послал на помощь северному полку часть своих сил во главе, вероятнее всего, с Васильком. Возможны варианты подобной реконструкции, но именно на том участке шел самый ожесточенный бой и произошло частичное окружение русских сил. Все, кто находился в центральном полку, включая и самого Великого князя, были полностью уничтожены.

Интересной представляется версия Н. Тележкина. Он принимает летописную дату Ситского сражения – 4 марта и помещает Шеренский лес недалеко от места битвы⁹. В летописи под 1177 г. в связи с усобицей Всеволода Большое Гнездо и Глеба Рязанского упоминался Шернский или Шеринский лес за Переяславлем-Залесским по дороге от Владимира. Это – не конкретный лес, а лесной массив. Слово «шер» в угро-финских языках означало «озеро, поток», а «ентк» по-хантыйски – «вода». Таким образом, Шеренский, или Шеренгский переводится как «вод-

ный поток». Не случайно названия многих рекозвучны этому слову — Н. Тележкин ближе к истине, утверждая, что летописец мог назвать Шеренским любой лес по реке, в том числе и тот, что занимал пространство между Ситью и Волгой.

Пленение Василька не представляется случайным. Летописный текст показывает, что ростовский князь был нужен Батыю. Для чего? Не только для того, чтобы на период боевых действий противопоставить его Ярославу Всеволодовичу, новгородцам и еще нетронутой южной Руси. Батый смотрел в будущее. Перед вторжением монголы предварительно произвели глубокую и тщательную разведку, разработали планы закрепления на огромной завоеванной территории через приведение к покорности уцелевшей правящей верхушки Руси. Кроме того, они делали ставку на разобщение русских князей. Эту политику успешно потом проводили ханы Золотой орды, а в начале 1238 г. она делала еще только первые шаги. Представление о ней дает летописный рассказ о Васильке. Величие подвига ростовского князя как раз состоит в том, что он с памятного дня 4 марта 1238 г. навсегда стал нравственной опорой уже другой политики — русской, которая, несмотря на кровь междуусобиц, вопреки им, не скоро, но все же пробьет себе дорогу и приведет к освобождению Руси.

Местное почитание Василька началось еще в удельный период¹⁰. Поскольку свидетельств того, что от мощей князя исходили чудеса, нет, основанием для причтения явился подвиг мученичества. В святыцах он так и назван мучеником. Сказание о Васильке вошло в печатные прологи, и четью минеи делают на них ссылки.

Для будущих поколений — для тех, кто в 1380 г. вышел на поле Куликово, и тех, кто встал на р. Угре в 1480 г., в образе Василька как бы персонифицировалась Древняя Русь — могучая, прекрасная и не склонившаяся перед врагом. Он стал одним из источников той духовной силы, которая помогла людям, жившим на обломках прежнего государства, поверить, наконец, в себя и совершивший новый подвиг, на сей раз подвиг освобождения.

*

¹ Никодим архимандрит. Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах нынешней Ярославской епархии // ЯЕВ. 1902 г. Ч. неофиц. № 32, Ярославль, 1903. С. 500.

² Русские летописи. Т. 1. Симеоновская летопись. Рязань, 1997. С. 89-90.

³ Никодим арх. Указ. соч. С. 498.

⁴ Русские летописи... С. 88-89.

⁵ Ершов С. Завеса над Ситской битвой // Сить. Краеведческая газета. Март. 1998. С. 6-7.

⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3-4. С. 322.

⁷ Сить. Краеведческая газета. Март. 1998. С. 3.

⁸ Ершов С. Указ. соч. С. 7.

⁹ Тележкин Н. Где он княжеский лес? // «Путь к коммунизму», 1989. № 22, 29.

¹⁰ Никодим арх. Указ. соч. С. 502. -